

О "ТРЕТЬЕЙ КОНСТРУКЦИИ" С ПОСЕССИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ (С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)¹

НОМАТИ Мотоки
(Белград – Токио)

1. Введение

При классификации языков с целью типологического исследования с давних пор большое внимание лингвистов привлекают дистрибуции глаголов "habere" и "esse".² В области славянского языкознания по этой классификации особенного внимания заслуживают ряд ценных статей проф. Р. Мразека³ и многозначительные работы академика А. В. Исаченко.⁴ Порождая полемику и развитие⁵, эта классификация в типологическом исследовании славянских языков закрепились по сей день.

Судя по неплохим результатам ряда исследований, ясна действенность названной классификации и часто открываются новые горизонты. При этом особенно

¹ Данная работа выполнена под руководством проф. Предрага Пипера. Но автору дал важные и полезные советы и академик словенской академии наук и искусств Йоже Топоришич на семинаре словенского языка, литературы и культуры 2003. Автор их сердечно благодарит за руководство.

² Например, можно назвать известную работу Э.Бенвениста "*Être' et 'avoir' dans leur fonctions linguistiques*", BSL, LV (1960), стр.113-134. Что касается словенского языка, интересно заметить, что уже в первой грамматике Адама Богорича "*Articae horulae succisivae*" (1584), в разделе синтаксиса в качестве четвертого правила, он дает описание по названному вопросу следующим образом: "Est mihi domi pater, jimam ozheta doma. Exprimunt Slavi, datium cum verbo substantivo per verbum, jimam, quod, habeo, significat, e accusatiuum casum, ozheta."

³ См.: R. Mrázek, "*Funkční distribuce habere a esse v slovanské větě*", Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů (1973), стр. 175-182, Сравнительный синтаксис славянских литературных языков (1990), стр. 34-36.

⁴ См.: A. V. Isačenko, "*Sloveso mat' v ruštine a čo s tým súvisí*", Ruština v škole I (1949/50), стр. 28-34. "*On 'have' and 'be' languages (A Typological Sketch)*", Slavic Forum (1974), стр. 43-77.

⁵ Например, можно назвать следующие работы: Н. Birnbaum, "*To Be Or Not To Have: Some Notes on Russian Surface Date and Their Typological and Universal Implications*", Studia Linguistica (1978), стр. 27-34., М. Ivić "*O slovenskim egzistencijalno lokacionim rečenicama*", Studia Gramatyczne V (1982), стр. 7-10., P. Garde, "*Avoir en Russe: Remarques typologiques*", Revue des études slaves (1987), стр. 557-564. С. Клэнси занимается этим вопросом с точки зрения когнитивной лингвистики: см. Steven J. Clancy, "*Semantic Maps for BE and HAVE in Slavic*", The Slavic and East European Language Resource Center (2001), стр. 1-14.

надо отметить, что работ, посвященных исследованию посессивности в словенском языке сравнительно мало, и что работ по этому языку с точки зрения типологического исследования славянских языков почти нет. Однако нет никакого сомнения, что исследование словенского языка очень важно. Оно представляет большой интерес именно с типологической точки зрения, так как в нем на всех уровнях, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом, существуют многочисленные черты, которые принадлежат не только южнославянским, но и западнославянским языкам, хотя словенский язык обычно относят к южной группе славянских языков в традиционной классификации.

В этой статье автор старается показать особенности в конструкции с посессивным значением в словенском языке в сравнении с другими славянскими языками. Сначала мы сделаем краткий обзор посессивных конструкций в словенском языке, потом подробно рассмотрим конструкцию "третьей группы", которая, согласно моему анализу, служит в качестве пробирного камня для типологического исследования славянских языков.

2. Классификация посессивной конструкции

Как правило, посессивность является семантической категорией. Но точного единогласного определения понятия посессивности в языкознании пока нет, поскольку, с одной стороны, посессивное значение осуществляется весьма разнообразными семантико-синтаксическими средствами. С другой стороны, в свою очередь, средствами, которые выражают типичное посессивное отношение, осуществляются различные отношения предметов, в том числе, строго говоря, непосессивное (или метафорически посессивное) отношение. Хотя названное понятие остается недостаточно определенным и представляет своего рода пестроту, языковые средства, которые передают понятие посессивности в самом широком смысле, по мнению проф. Р. Мароевича, можно разделить на три группы в зависимости от синтаксического уровня: 1. атрибутивная, 2. предикативная, 3. предикативно-атрибутивная посессивность.¹ Классификация проф. Мароевича основывается на материале русского языка (и частично сербохорватского) и классифицированные в одни и те же группы выражения семантически и стилистически не равноправны. При этом надо отметить, что в

¹ См.: Р. Маројевић, Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развоју и данас) (1983), стр. 4.

анализированном нами словенском языке существует еще другая конструкция, которая в современном русском языке не употребляется. Но все-таки их можно классифицировать таким же образом и в словенском языке. Поэтому в этой статье мы назовем предикативно-атрибутивной посессивность у проф. Мароевича "третьей группой".

Как мы увидим ниже, существование данной третьей группы опирается на существование первой и второй групп. Поэтому было бы лучше начать нашу аргументацию с рассмотрения первых двух групп.

2.1. Первая группа

В словенском языке, первая группа, т.е. атрибутивная включает в себя синтагму с притяжательным прилагательным на -ov, -in (Janezova knjiga, Matejin kruh), с существительным в родительном падеже (knjiga Janeza Breznika).¹ Возможна и синтагма с предлогом "od" (knjiga od Janeza), но выражения этого типа носит оттенок разговорной речи, отклоняющейся от литературной нормы.² Согласно словарю словенского литературного языка, предлог "pri" тоже выражает принадлежность (ср. *udi pri človeku, zob pri brani* и т.д.).³ Но это сочетание становится возможным исключительно тогда, когда речь идет о неодушевленном предмете. Возможность

¹ Как правило, в словенском языке обычно дается преимущество употреблению притяжательного прилагательного. Поэтому, в отличие от русского, синтагма "avto Janeza" вместо синтагмы "Janezov avto" не допускается с точки зрения нормы современного языка. Но когда определяющие слова, в том числе относительное местоимение, состоят больше, чем из двух слов, то употребляется родительный падеж (ср. "to je Matejina knjiga", но "to je knjiga Mateje, ki dela v Ljubljani"). К тому же, когда какой-нибудь предмет принадлежит больше, чем одному человеку, то употребляется родительный падеж или прилагательное другого типа ("knjiga uslužbencev"). Есть и исключение. Например, славянские имена на -ov, -ski не могут иметь формы притяжательного прилагательного. Поэтому не "*Vinogradovova slovnica", а "slovnica Vinogradova", не "*Milevskijev slovar", а "Milevskega slovar" или "slovar Milevskega". К тому же, может возникать такой случай, когда употребляются и то, и другое, но они семантически отличаются друг от друга. В качестве примера приведем следующие пары: "glas napovedovalca" и "napovedovalčev glas". Первое выражение с родительным падежом молчит об определенности лица и отсутствует одушевленность: "glas napovedovalca mora biti jasen". Здесь говорящему неважно кто диктор, а скорее речь идет об общем, вещественном аспекте названного вида профессии. Сравним с первым следующий пример "všeč mi je napovedovalčev glas" В отличие от первого примера, это высказывание становится естественным тогда, когда речь идет об определенном лице, т.е. говорящему нравится голос того диктора.

² См.: J. Toporišič, "Enciklopedija slovenskega jezika" (1992), стр. 319., A. Bajec, R. Kolarič, M. Rupel, "Slovenska slovnica" (1971), стр. 292.

³ См.: Slovar slovenskega knjižnega jezika (elektronska izdaja) (1998).

первого примера "udi pri človeku" объясняется тем, что в этом примере человек считается как бы анатомическим предметом. Поэтому неестественно звучат примеры "?udi pri Janezu", "?zob pri Mateji" за исключением случая, когда речь идет о предмете с анатомической точки зрения. Вместо этого обычно употребляется притяжательное прилагательное "Janezovi udi", "Matejin zob" и т.д.¹

Группа эта представляет собою словосочетание, где стержневой элемент указывает на предмет, который принадлежит лицу, выраженному зависимым элементом. Когда названные словосочетания входят в состав предложения, то они подвергаются надлежащему в предложении склонению, сохраняя при этом единство сочетания (ср. Berem Janezovo knjigo // Berem knjigo Janeza Breznika // Berem knjigo od Janeza, Ne berem Janezove knjige // Ne berem knjige Janeza Braznika // Ne berem knjige od Janeza и т.д.).

2.1.1. О так называемом посессивном дательном падеже

По моим наблюдениям, в отличие от вышеприведенных синтагм с притяжательным прилагательным и с существительным в родительном падеже, в первую группу не входит так называемый посессивный дательный падеж. Но есть другое мнение. Так например, в старой, но солидной грамматике словенского языка Й. Шумана мы находим предложения "bog je oče vsem ljudem", "vino zveseli srce človeku" и т. д. в качестве примера дательного падежа, который, — пишет Шуман, — относится не к высказыванию или к целому предложению, а только к существительному, при котором дательный стоит.² Автор же известной словенской грамматики на французском языке

¹ Но есть случаи, когда контекстуально предпочитается дательный падеж ожидаемому притяжательному прилагательному: za kazen, odsekali so Mateji prst. Нет сомнения, что и в этом случае, с чисто грамматической точки зрения, можно употребить сочетание с притяжательным прилагательным, т.е. "odsekali so Matejin prst". Но отрезание пальца обычно оказывает большее влияние на целое, чем на самую часть. Следует подчеркнуть, что здесь употребляется дательный падеж не просто вместо притяжательного прилагательного. Как мы увидим ниже в 2.1.1., этот дательный не зависит от существительного. Первоначальное, обычно не осуществляемое предложение должно быть "odsekali so Mateji Matejin prst". Если в этом случае дательный падеж употребится вместе с притяжательным прилагательным, то контекстуально уже ясно, кто именно посессор и одновременное употребление обоих способов порождает семантическую избыточность, как раз мы не говорим, например, "?moja glava me boli", так как с самого начала нет возможности "*tvoja glava me boli" и т.д. См.: М. Номати, "О так называемом дательном падеже принадлежности с коммуникативной точки зрения", Е. Ф. Карский и современное языкознание (2003), стр. 110.

² См.: J. Šuman, "Slovenska slovnica po Miklošičevi primerjalni" (1881), стр. 342. Нужно сказать, что сам Шуман, кажется, не был уверен в своем мнении. На той же самой странице он дополнительно пишет,

проф. Вансено считает, что дательный этот представляет адъективную функцию.¹ Авторитет современной словенистики, академик Й. Топоришич приводит словосочетание "bratu žena" в качестве примера, который представляет, по его выражению, "эмоциональную собственность или принадлежность".² Однако, в отличие от вышеприведенных примеров с притяжательным прилагательным или с существительным в родительном падеже, словосочетание с посессивным дательным не всегда допускается, когда оно входит в состав предложения. Сравните следующие примеры.

- 1a. Mateja je (mojemu) bratu žena. (*Bratu žena je jezikoslovka. *Všeč mi je bratu žena.)
- 2a. *Vojim se bratu žene.
- 3a. *Dal sem knjigo bratu ženi.
- 4a. Rešil sem bratu ženo. (но ??Vidim bratu ženo.)
- 5a. *Govorim o bratu ženi.
- 6a. *Grem v park z bratu ženo.

Из этих примеров ясно, что между словами "brat" в дательном падеже и "žena" невозможно установить постоянную синтаксическую связь и рассмотреть это сочетание как единую синтагму нельзя. Это просто соседство двух слов в разных формах (ср. Mila je bratu žena // Bratu je žena mila // Žena je bratu mila).³ В предложениях 1a и 4a между двумя словами "bratu žena" якобы устанавливается самостоятельное синтагматическое отношение, но на самом деле там такого отношения нет. Сравним следующие примеры.

- 7a. Žena, ki sem jo rešil bratu, je bila še mlada.
- 7б. *Bratu žena, ki sem jo rešil, je bila še mlada.
- 7в. *Žena, ki sem jo rešil bratovo, je bila še mlada.

что иногда сомнительно, относится ли названный дательный к существительному или к высказыванию. Кстати, следуя Шуману, и проф. А. Брезник в своей грамматике пишет, что дательный падеж употребляется в качестве атрибута к существительному. См.: А. Breznik, "Slovenska slovnica za srednje šole" (1934), стр. 220.

¹ В качестве примера он приводит такие обороты как "Ti kodor, soncu bratu", "ti si mi brat". См.: С. Vincenot, "Essai de grammaire slovène" (1975), стр. 145. Но автор названной книги в другом месте дает иное объяснение: данный дательный падеж играет "субстантивную функцию" в противоположность родительному падежу, который играет "адъективную функцию". См.: указ. соч., стр. 173.

² См.: J. Toporišič, "Enciklopedija slovenskega jezika" (1992), стр. 20.

³ Приводя примеры "možu dekla" и "moževa dekla", академик Топоришич объясняет различие следующим образом: посессивный дательный падеж является существительным членом предложения, притяжательное прилагательное же только атрибут. С одной стороны, это объяснение убедительно, но с другой стороны, оно не отвечает на вопрос по неуместности 2a-6a. См.: J. Toporišič, "Nova slovenska skladnja" (1982), стр. 397.

7г. Bratova žena, ki sem jo rešil, je bila še mlada.

Из этих примеров ясно, что существительное в дательном падеже "bratu" в 7а представляет "новый" актанта глагола, который находится в относительном предложении. Итак, названные примеры 1а-6а должны быть интерпретированы следующим образом. При этом 4а можно перефразировать на 4б тогда, когда говорящему неважно, идет ли речь именно о направлении выраженного глаголом действия к посессору.

1б. Mateja je bratova žena. (Bratova žena je jezikoslovka, Všeč mi je bratova žena.)

2б. Vožim se bratove žene.

3б. Dal sem knjigo bratovi ženi.

4б. Rešil sem bratovo ženo. (Vidim bratovo ženo.)

5б. Govorim o bratovi ženi.

6б. Grem v park z bratovo ženo.

Судя по данным фактам, здесь можно сказать, что дательный падеж на самом деле выражает что-то иное, чем посессивное значение, и существительное в дательном падеже не зависит от другого существительного. Но, как мы видели выше, действительно есть случаи, когда употребляется названный дательный вместо ожидаемого притяжательного прилагательного, и иногда даже предпочитается дательный ожидаемому притяжательному прилагательному.¹ Подробное объяснение этому дается ниже в главе 2.3.

2.2. Вторая группа

Вторая группа, предикативная, состоит из трех подгрупп. Одной из них является предложение принадлежности (ср. ta avto je Janezov, ta avto je Janeza Breznika, ta avto je od Janeza, ta avto pripada Janezu и т.д.). Другой же — предложение обладания (ср. Janez ima avto, Janez poseduje avto и т.д.).

Как правило, словенский язык принадлежит к группе "habere", и глагол "imeti" занимает центральное место для выражения посессивности. Если глагол "posedovati" употребляется исключительно в том случае, когда речь идет об обладании "de jure" (ср. Janez poseduje lepo hišo, *Janez poseduje lepe oči), то глагол "imeti" является семантически более нейтральным и абстрактным, чем остальные глаголы, имеющие значение посессии, и представляет широкий семантический диапазон (ср. Janez ima lepo hišo, Janez ima lepe oči).

¹ Смотрите сноску 11 в этой статье.

В отличие от русского языка, типичного языка группы "esse", в словенском языке не употребляется конструкция типа "у кого-то (есть) что-то" для выражения посессивности. Разумеется, можно сказать по-словенски, например, "Pri Janezu je / obstaja / se nahaja / avto", и в зависимости от контекста это выражение может означать то же самое, что и "Janez ima avto". Но в этом предложении не подразумевается посессивность, а скорее выражается локативность (ср. Pri Janezu so / obstajajo / se nahajajo / lepe knjige, но *Pri Janezu so lepe noge).

В третью подгруппу входит предложение с предикативным родительным падежом, которое обязательно сопровождает качественное прилагательное. По терминологии академика М. Ивич, эта конструкция является конструкцией с обязательным детерминатором (ср. Janez je dolgih nog, *Janez je nog).¹ Этот оборот возможен только тогда, когда речь идет о предмете так называемой неотъемлемой принадлежности (ср. Janez ima dolge noge // Janez je dolgih nog, Janez ima dolge palice, *Janez je dolgih palic). Интересно заметить, что этого рода предложение с существительным со значением конкретного названия тела в русском языке невозможно (ср. *Иван был длинных ног), хотя возможны словосочетания другого семантического типа (ср. Иван был хорошего телосложения, Маша была высокого роста и т.д.).

2.3. Третья группа

В третью группу входят предложения, где, по выражению Мароевича, указание на посессора содержит элемент предикативности.² По мнению проф. Б. Тошовича, здесь актуализирована предикация о качестве, при этом имплицитно экзистенцию.³ Так, в качестве моделей предложения можно привести следующие предложения: "noge so mi dolge", "noge ima dolge". В этих предложениях дается характеристика существительного, занимающего позицию темы, с помощью прилагательного, находящегося в позиции ремы. Следует отметить, в словенском языке эти предложения могут произноситься без специального тона.

Конструкция и семантика названных предложений сами по себе похожи на предложение с притяжательным местоимением, т.е. "njegove noge so dolge", где тоже речь идет о характеристике существительного прилагательным. Но в отличие от этого

¹ См.: М. Ivić, "O slovenskim obaveznim determinatorima", *Lingvistički ogledi* (1983), стр. 179-187.

² См.: Р. Маројевић, указ. соч., стр. 4.

³ См.: В. Тошовић, "Korelaciona sintaksa, projekcional" (2001), стр. 310.

оборота, где употребляется притяжательное местоимение, т.е. именно средство для выражения посессивности, прямо выражающее ее понятие, интересующие нас здесь обороты не прямо объявляют понятие посессивности, а только косвенно его передают. Другими словами, высказывание третьей группы исходит из такой предпосылки, что факт посессии уже подразумевается.

В первом предложении, т.е. оборот типа "noge so tu dolge", как показатель посессора употребляется местоимение в дательном падеже, который сам по себе не является средством прямого показателя посессивности (см. примеры 1а.-ба.). Тогда возникает вопрос: что именно выражает дательный падеж? Коротко говоря, он представляет "выпяченное существо" как целое по отношению к части в описываемой речевой ситуации. Иначе говоря, это "фокусированный" по заинтересованности объект и в высказывании играет роль "a full-fledged participant of the event", по терминологии проф. И. Мельчука и проф. Л. Иорданской.¹

К тому же, этот оборот с дательным падежом можно считать также "инверсированным" оборотом, у которого отсутствует соответствующего пара предложения. Гипотетический "исходный" оборот — "??Janezu so dolge noge". Этот оборот почти не употребляется, по крайней мере, в современном словенском литературном языке, по-видимому, благодаря широкому распространению глагола "imeti".²

Как отмечает академик Топоришич, первый пример с показателем посессора в дательном падеже является стилистически маркированным³ и представляет своего рода архаизм. В современном языке этот оборот не часто употребляется. Приведем примеры из художественной литературы: Noge so ji bile tanke, kakor noge dveletnega otroka (I. Cankar), Obraz mu je modrikasto rdeč (A. Kraigher), Oči so mu meglene in odsotne (A. Kraigher).

Во втором примере, т.е. оборот типа "noge ima dolge", употребляется глагол

¹ См.: Iordanskaja L., Mel'čuk I. *"*Glaza Maši golubye vs. Glaza u Maši golubye: Choosing between two Russian constructions in the domain of body parts"*, *The language and Verse of Russia* (1995), стр. 159.

² Проф. Мразек считает, что в праславянском языке был вполне обычным названный тип предложения с дательным падежом в качестве подлежащего, и в старославянских памятниках тоже обнаруживается значительное число примеров употребления названного оборота. См.: *"Дательный падеж в старославянском языке"*, Исследование по синтаксису старославянского языка (1963), стр. 243-244. Можно найти сходное объяснение у проф. А. Минчевой. См.: *"Грамматика на старобългарския език"* (1993), стр. 462.

³ См.: J. Toporišič, *"Slovenska slovnica"* (2000), стр. 307.

"imeti", который, как мы видели выше, является типичным средством для выражения посессивности. Однако выделенное распределение существительного и прилагательного в предложении ослабляют их синтагматическое единство, и через новое распределение слов слабее объявляется и посессивное значение, чем в исходном не инверсированном предложении. С точки зрения функции этого глагола, он становится близким связочному глаголу. Рассмотрим пример.

9. Srce mu je razbijalo, roke so se tresle, lica žarela, *sluh pa je imel oster kot zver* (I. Bunin).

В этих предложениях описывается состояние тела человека, т.е. речь идет о состоянии сердца, рук, щек и слуха. С чисто грамматической точки зрения, разумеется, можно изменить порядок слов следующим образом: "imel je oster sluh kot zver" или даже было бы можно употребить местоимение в именительном падеже, т.е. "on je imel oster sluh kot zver". Но этот порядок слов к данному контексту несомненно не подходит, поскольку здесь речь идет о характеристике тела, а не о самом посессоре. Приведем примеры: *Usta je imela tako suha* (G. Jakopin), *Hrbet je imela gol* (M. Pušavec), *Noge je imel ledenomrzle* (C. Kosmač), *Jezik ima dolg in oster* (C. Kosmač).

Судя по порядку слов, прилагательное приобретает фактически предикативный признак¹, но всегда требует согласования с существительным, а существительное же, в свою очередь, управляется глаголом "imeti". Приведем примеры: *Ženo ima elegantno* (из грамматики Й. Топоришича), *Glasu pa seveda nima preveč lepega* (C. Kosmač).

Следует отметить тот факт, что грамматический субъект в именительном падеже как целое в этом инверсированном обороте обычно опускается. Например, предложение типа "?on sluh ima oster" не встречается, хотя оно с чисто грамматической точки зрения вполне правильно. Но без местоимения в предложении участвует посессор как целое. Он выражается либо окончанием глагола "imeti" (в настоящем времени), либо окончанием ряда форм вспомогательного глагола "biti" (в прошедшем и будущем

¹ По мнению академика Топоришича, место прилагательного в предложении определяет то, что речь идет об обычном определении (*navadni prilastek*) или о предикативном определении (*povedkov prilastek*). "Povedkov prilastek", по определению академика, является самостоятельным членом предложения, который дополнительно поясняет какое-нибудь существительное (или словосочетание с существительным) в роли субъекта или объекта. См.: J. Toporišič, "Slovenska slovnica" (2000), стр. 557 и 677. Что касается других славянских языков, например, с точки зрения синтаксической функции порядка слов, проф. Ф. Данеш на материале чешских предложений типа "Měl bolavou nohu" и "Nohu měl bolavou" считает, что прилагательное в первом предложении является определением, а во втором же — предикатом. См.: F. Daneš, "K otázce pořádku slov v slovanských jazycích", Jazyk a text I. Výbor z lingvistického díla Františka Daneše část I. (1999), стр. 183.

времени), которое сигнализирует существование грамматического субъекта в именительном на заднем плане, иначе, на базе высказывания. Названный инверсированный оборот с глаголом "imeti" в современном словенском языке употребляется чаще, чем первый оборот с дательным падежом. Этот инверсированный оборот можно считать стилистическим вариантом первого оборота с дательным падежом.¹

В словенском языке предложение третьей группы характерно особенно тогда, когда речь идет о предмете так называемой неотъемлемой принадлежности, как справедливо отмечает проф. А. Видович-Муха.² Это основывается на том, что предмет неотъемлемой принадлежности легче всего получает конкретную референцию в силу своего рода единичности или ограниченности. Это связывается и с тем, что, как правило, позицию темы часто (но не всегда) занимает для коммуникаторов уже известное или, по крайней мере, легко угадываемое. Поэтому в словенском языке даже вне специального контекста можно сказать, например, "nos ima rdeč", "nasmeh ima lep", в то время как неестественно звучат предложения, например, "?knjigo ima rdečo", "?knjigo ima lepo", хотя, разумеется, вполне естественно сказать "ima rdečo knjigo", "ima lepo knjigo".

Отмеченный факт становится ясным, если сравнить следующие примеры.

10а. Lase ima razpuščene po ramenih.

10б. Lase ima razpuščene po tleh.

10в. *Odrezane lase ima razpuščene po tleh.

Второй пример 10б. представляется естественным в том случае, если речь идет о живых волосах. Когда речь идет об отрезанных волосах, которые находятся на полу (т.е. 10в), то пример 10б. станет трудным, так как ясно, что между отрезанными волосами и посессором уже нет отношения части-целого. Следовательно, посессор не становится "фокусированным" по заинтересованности объектом по отношению к отдаленным волосам.

¹ То же самое можно отметить в русском языке 19 века. Как мы увидим в главе 3., в русском языке параллельно употреблялись и оборот с глаголом "иметь", и оборот "у кого-то..." для выражения третьей конструкции. Первый пример с глаголом "иметь" является стилистически маркированным. В современном языке названный оборот с глаголом "иметь" почти не употребляется даже в качестве стилистического варианта.

² См.: А. Видович-Муха, "Imeti in biti v pretvorbeni zvezi", Prvo slovensko-hrvaško slavistično srečanje (2001) стр. 22.

3. Особенности третьей конструкции в славянских языках

Мы сделали краткий обзор классификации по конструкции с посессивным значением в словенском языке, который традиционно относят к южной группе славянских языков. Традиционная группировка на три группы, т.е. восточную, западную и южную группы, основывается особенно на географическом расположении и ряде фонетических и фонологических аспектов каждого языка. Разумеется, эта классификация не лишена недостатков. Следуя только традиционной классификации, легко упустить из виду вопросы по изоглоссе. Вопросы по изоглоссе решаются путем типологической классификации не только с диахронической, генетической, но и с синхронической, типологической точки зрения. Действительно, этого рода классификация является одной из важнейших задач в славянском языкознании сегодня.¹

С названной точки зрения особый интерес представляет именно третья группа, которая чаще всего употребляется тогда, когда речь идет о характеристике предмета неотчуждаемой принадлежности, как говорилось выше и о словенском языке. По мнению проф. Р. Мразека, во всех разновидностях семипоссиденции, глагол "habere" играет большую роль в западославянских языках.² Это мнение совершенно верно. Например, в польском языке для выражения третьей группы употребляется конструкция с глаголом "habere", т.е. "mieć" в виде инверсированного оборота, при этом не изменяется тон предложения с одной стороны. Приведем примеры: *Raznokcie miał przycięte krótko i okrągło, Brwi miał wielkie, krzaczaste.*³ С другой стороны, в отличие от словенского языка, для выражения названной группы дательный падеж в качестве показателя посессора не допускается, т.е. **Raznokcie mu były przycięte krótko i okrągło*, **Brwi mu były wielkie, krzaczaste*. Но этот факт, конечно, не отрицает возможности употребления дательного посессивного в польском языке вообще. По наблюдению проф. А. Вежбицкой, в польском языке дательный падеж можно употребить тогда, когда выраженное глаголом положение считается процессуальным, хотя значение само по

¹ Например, отмечая недостатки традиционной классификации славянских языков и важность изучения изоглосс, проф. П. Пипер говорит, что более точная и подробная классификация славянских языков будет возможным после завершения международного научного проекта выработки общеславянского лингвистического атласа. См.: П. Пипер, "Увод у славистику" (1998), стр. 50-51.

² См.: Р. Мразек, "Сравнительный синтаксис славянских литературных языков" (1990), стр. 47-50.

³ Примеры взяты из словаря польского языка (*Słownik języka polskiego*) под редакцией академика В. Дорошевского.

себе статическое (ср. *włosy mu się kręca*).¹ Что касается польского глагола "być", в нем нет процессуального значения, поэтому недопустимы вышеприведенные выражения с дательным падежом. То же самое обнаруживается в чешском языке. Нельзя сказать, например, "**oči mu jsou modré*", а допустимо только предложение типа "*oči má modré*" с глаголом "habere", т.е. "*mít*".² А словацкий же язык представляет интересную картину. По-словацки можно сказать и то, и другое, т.е. возможны предложения и "*hlas mal naozaj príjemný*" и "*hlas mu bol naozaj príjemný*", хотя первый вариант с глаголом "habere" считается более обычным, чем второй вариант с дательным падежом.³ По поводу этих конструкций можно сказать, что словацкий язык имеет общее с южнославянскими языками, особенно со словенским языком.⁴

Что касается восточнославянских языков, как правило, они относятся к группе "esse". В этой группе языков преобладает оборот "у кого-то (есть) что-то", который называется адэссивной конструкцией.⁵ Для выражения третьей группы в названных языках тоже употребляется инверсированный оборот. Например, в русском языке предложения "усы у него были черные" и "усы его были черные" не идентичны. Следует подчеркнуть, что первый пример является результатом перестановки посессивной конструкции, другими словами, это результат синтаксической реорганизации первоначального притяжательного предложения "у него были черные усы". К тому же, инверсированный оборот может произноситься в том же тоне, как в

¹ См.: A. Wierzbicka, *"The Meaning of a Case: A Study of the Polish Dative"*, Case in Slavic (1980), стр. 416.

² В связи с этим, проф. П. Адамец, анализируя чешский оборот типа "*otce má starého*" в сопоставлении с русским, считает значение глагола "*míti*" в этом обороте "связочным". См.: P. Adamec, *"K ekvivalentům sloves býti a míti v ruštině"*, Rusko-české studie (1960) стр. 206. С этим мнением в некоторой степени можно согласиться, так как здесь значение посессии в этом случае значительно ослабляется. Проф. Р. Зимек же толкует иначе. Он приводит в качестве примера со связочным "*míti*" и конструкцию "*Eva má modré oči*", которую можно перефразировать на конструкцию "*Eviny oči jsou modré*", где глагол "*býti*" функционирует в качестве связки. См.: R. Zimek, *"Několik poznámek k vypovědím s být a mít"*, Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (1999) стр. 20. В отличие от классификации Зимека, Адамец включает оборот типа "*Eva má modré oči*" в группу с глаголом "*míti*", имеющим "*dispoziční význam*", т.е. значение распоряжения. См.: P. Adamec, указ. соч., стр. 207. Но следует отметить, что граница не всегда ясна и переход значения представляет непрерывный характер.

³ Примеры взяты из книги "Сравнительный синтаксис славянских литературных языков" Р. Мразека (1990), стр. 48.

⁴ Широкое распространение употребления дательного посессивного представляет собой общее для южнославянских и словацкого языков. См.: Н. Běličová, L. Uhlířová "Slovanská věta" (1996), стр. 80-81.

⁵ См.: Р. Мразек, "Сравнительный синтаксис славянских литературных языков" (1990), стр. 34.

исходном обороте, что справедливо отмечает проф. А. М. Пешковский.¹

При этом интересно заметить, что белорусский и украинский языки обнаруживают и особенность группы "habere", т.е. там параллельно употребляются обороты с глаголом "esse" или "habere". Так, в украинском языке можно сказать, например, "голос у тебе був неприємний" (с глаголом "esse"), "голос мав дзвінкий, сильний" (с глаголом "habere"). Кроме того, допускается в литературной норме и предложение с дательным падежом типа "голос йому був хрипкий", которое носит оттенок стилистической окраски. Дистрибуция этих конструкций зависит от территории. Как правило, на востоке чаще употребляется конструкция "esse". Ту же самую картину представляет белорусский язык, т.е. допускаются предложения "рукі у яе былі моцныя" (с глаголом "esse"), "голас мела звонкі" (с глаголом "habere") и "голас яму быў роўны". Последний пример с дательным падежом стилистически маркирован. Русский язык обычно считается типичным языком "esse" и, как правило, сфера употребления глагола "иметь" в современном языке более ограничена, чем в других славянских языках, в том числе в украинском и белорусском языках. Но надо отметить, что в литературе 19 века часто встречается предложение с глаголом "иметь" в инверсированном виде, кроме примеров "нрав у меня ровный", "глаза у него серые" и т.д., с которыми мы хорошо знакомы в современном языке. Например, у А. С. Грибоедова можно найти такое выражение, как "Да это оттого, что нрав имею ровный", у А. С. Пушкина же "Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой". При этом следует упомянуть, что в отличие от других восточнославянских языков, употребления дательного падежа не допускается в качестве стилистического варианта, следовательно, выражение "*глаза ему были серые" невозможно.

По поводу южнославянских языков, справедливо отмечая, что в словенском языке существует возможность выбора конструкции "habere" и "esse", проф. Мразек указывает на то, что там преобладает конструкция с глаголом "esse" и дательным падежом, и только sporadически можно найти альтернативу с конструкцией с глаголом "habere". Так, в соседнем со словенским хорватском или сербском языке, конструкция нашей третьей группы выражается обычно с помощью дательного падежа, например, "коса му је црна".² Этот факт не отрицает возможность существования

¹ См.: А. М. Пешковский, "Русский синтаксис в научном освещении" (2001⁸), стр. 224-225.

² Как правило, в сербохорватском языке, особенно в качестве архаизма или в диалектах

инверсированного оборота с глаголом "habere", т.е. предложения типа "косу има црну". Тем не менее, в сербохорватском языке этого рода инверсированный оборот не тождествен с оборотом "коса му је црна". В отличие от оборота "коса му је црна", инверсированный оборот "косу има црну" сопровождается сильным тоном, падающим на прилагательное, которого нет в обороте "коса му је црна". И такого тона также нет в словенском инверсированном обороте типа "lase ima črne", хотя возможно падает на прилагательное такой тон, как в сербохорватском обороте "коса му је црна", когда говорящий подчеркивает предикацию.

Интересно заметить, что в сербохорватском языке употребляется, хотя не часто, "исходный" оборот с дательным падежом типа "Милошу је црна коса", особенно тогда, когда речь идет о контрасте (ср. Милошу је црна коса, а Пери је плава).¹ Этот оборот включает в себя те же самые элементы, находящиеся в обороте "коса му је црна", в котором, в свою очередь, нет оттенка разговорного языка. Нестабильность "исходного" оборота в сербохорватском языке влечет за собой также, наверное, широкое распространение глагола "имати". Между названными предложениями "Милошу је црна коса" и "коса му је црна" нет равноправности в системе сербохорватского языка, что отличается от ситуации в украинском и белорусском языках, где имеются равноправные корреляционные предложения на обоих уровнях, т.е. и на уровне конструкции с глаголом "esse", и на уровне конструкции с глаголом "habere".

Из всего сказанного, мы можем получить следующую таблицу по конструкции третьей группы. "esse + dative", "esse + adessive" означают типы конструкций третьей группы.

Из содержания таблицы, обращает на себя внимание тот факт, что по данному критерию, т.е. форме осуществления третьей группы, словенский язык имеет общие черты с западнославянскими языками, иначе говоря, по крайней мере, можно сказать, что он находится в более близком к ним положении, несмотря на то, что его обычно числят одним из южнославянских языков.

обнаруживается конструкция русского типа "у мога су драга очи плаве" (из "Сербских народных песень" Вука Караджича) вместо предложения типа "мој драги има плаве очи". Естественно, что существует конструкция типа "очи у мога драга су плаве", но этого рода оборот почти не встречается в литературном языке, поэтому здесь не подвергается анализу.

¹ Например, проф. И. Лалевич приводит такой пример, как "Лаву су јаке ноге". См.: И. Лалевић, "Синтакса српскохрватког језика" (1939), стр. 53.

ТАБЛИЦА 1.

	тип исходной конструкции	конструкция третьей группы	Esse + dative	esse + adessive
русский	esse	esse	×	○
украинский	esse / habere	esse / habere	○	○
белорусский	esse / habere	esse / habere	○	○
польский	habere	habere	×	×
чешский	habere	habere	×	×
словацкий	habere	esse / habere	○	×
словенский	habere	esse / habere	○	×
сербохорватский	habere	esse	○	○ ¹

4. Заключение (и перспектива)

Через анализ конструкции с посессивным значением, особенно конструкции третьей группы, мы пришли к выводу, что словенский язык представляет близость к славянскому западу в разрезе посессивной конструкции и семантической дистрибуции глаголов "esse" и "habere". Это, иными словами, состоит в том, какими средствами выражается "a full-fledged participant of the event". Как сказано в этой статье, в современном словенском языке не часто употребляется дательный падеж в третьей конструкции. Эта ситуация, с одной стороны, сближает словенский язык с западнославянскими языками. С другой стороны, этот факт тесно связывается с тем, что на славянском юге, например, в сербохорватском языке имеется более широкий семантический диапазон так называемого дательного посессивного, чем в словенском (ср. пары предложения "отац ми је у парку" и "*оће ми је у парку", "видим му оца" и "??vidim mu očeta").² Поэтому тщательный анализ семантики и употребления

¹ Смотрите сноску 32 в этой статье.

² Сопоставляя словенский язык с сербохорватским, проф. Каленич приводит предложение "оће ми је директор" в качестве примера дательного посессивного в словенском языке кроме семантически устойчивого типа как "ime mi је Gorazd". См.: V. Kalenić, "Raba sklonov v slovenščini in srbohrvaščini", *Izbrane študije Vatroslava Kalenića* (2001) стр. 29. Но надо сказать, что дательный падеж в обороте "оће ми је директор" не является точным эквивалентом "njegov oče је директор" или эквивалентом сербохорватского оборота "отац ми је директор", а скорее он семантически близок предложению "(njegov) oče је за njega директор". Это возможно в том случае, если, например, если сын работает под руководством отца, который занимает место директора, или если отец ведет себя с сыном как будто бы

названного посессивного дательного падежа в словенском языке на типологическом плане прольет свет на исследование категории посессивности в других славянских языках, и это будет нашей следующей задачей.

スロヴェニア語における所有の意味を持つ「第3の構造」について (類型論的見地から)

野 町 素 己

スラヴ諸語を研究する際に、動詞 *habere* および *esse* の意味、統語的役割とその配分が、類型論的に見て重要な意味を持つことは、これまでの諸学者の研究で明らかになっている。本稿は、その分類を念頭に置いた上で、スロヴェニア語における所有を表す構造について分析し、その特徴およびスラヴ諸語における位置付けを類型論的見地から明示することが目標とされている。

一般的に、所有の意味を表す構造は、通常、所有形容詞や属格等の使用が典型的である語結合のレベルと、動詞 *habere* あるいは *esse* を用い、叙述として所有の意味を表す文のレベルとに分けられる。本稿ではこれに加え、その中間的位置を占め、語結合のレベルと文のレベルの双方の存在を前提にして成り立っている文構造を「第3の構造」とし、スロヴェニア語においては並存する *habere* を用いた倒置構文、そしていわゆる所有の与格を用いた動詞 *esse* を用いた構文の特徴とその関係を指摘した。

本稿では、以上に挙げたスロヴェニア語における3つの構造とその特徴について述べられているが、最終章では、スロヴェニア語における「第3の構造」と他の東・西・南スラ

отец являлся директором. В отличие от этого, сербохорватский оборот "отац ми је директор" не всегда требует такой предпосылки. В сербохорватском языке можно сказать "отац ми је директор", если существует тот факт, что его отец работает в должности директора. Кстати, по мнению академика Топоришича, и в словенском языке допустимо предложение "mož mi je v bolnici", хотя трудно сказать "mož mi je v parku" как сказано выше. В этом примере ясно, что данный дательный падеж представляет собой так называемый дательный заинтересованного лица, который относится к целому содержанию высказывания. Но иногда очень трудно отличить дательный посессивный от дательного заинтересованного лица и это тоже будет нашей задачей.

ヴ諸語における類似の現象との比較・対照がなされ、スロヴェニア語自体の特徴およびスラヴ諸語における位置付けが検討されている。伝統的なスラヴ諸語の分類に従えば、スロヴェニア語は南スラヴ諸語に属するが、上述の動詞による分類を前提に「第3の構造」を分析した結果、少なくとも当該の構造に関して言えば、すなわち動詞 *habere* の使われ方、いわゆる所有の与格の使用範囲に関して、スロヴェニア語は南スラヴ諸語よりも西スラヴ諸語とより多くの共通点があること、同時に西スラヴと南スラヴの中間的性質があることが示された。